

Кирилл Петровский

БУРКОВСКИЙ МАНЬЯК

...Или хроники «Рокет-Сити»

008
VIZOR

Я — это ты.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Петров

Бурковский маньяк, или Хроники «Рокет-Сити»

<https://litres.ru/73947094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Увольнение инженера — плохая идея. Особенно если это закрытый город Рокет-Сити. Его изолировало правительство от посторонних из-за множества трагедий. Мы называем это куполом. Артур, военный краш-инженер, остался внутри купола, он работает курьером в местной службе доставки «Пяти сезонов», пытаясь изменить судьбу жителей родного городка. Его маниакальная цель — остановить гибель людей.

Аннет — девочка-подросток, которого забросили родители, хочет стать архитектором и перестроить свой город. У неё есть своя презабавная версия сегодняшних событий — она уверена, что правительство договорилось о невмешательстве залетевших в «Рокет-Сити» странников и лишь когда те доделают все дела и свалят в свой космический космос, то оставят нам кучу ништячных ништяков, которые сейчас нелегалы вывозят из купола, на этой почве она пересекается с Артуром.

Содержание

Глава	4
Книга первая — дневник Артура. Глава 1. Аннет - игра начата	5
Книга первая — дневник Артура. Глава 2. Женщина потерявшая своё лицо	17
Книга первая — дневник Артура. Глава 3. Ссанный старик	31
Книга первая — дневник Артура. Глава 4. Что про вас знает Артур-пуля	40
Книга первая — дневник Артура. Глава 5. Забытый рецепт медовика	53
Книга первая — дневник Артура. Глава 6. Любовный пузырь	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Кирилл Петров
Бурковский маньяк, или
Хроники «Рокет-Сити»

Глава

Книга первая — дневник Артура.

Глава 1. Аннет - игра начата

«События, о которых повествует история, уже происходят в „Рокет-Сити“. Все персонажи являются вымышленными, а любое совпадение с жившими ранее, живущими сейчас или в недалёком будущем случайны. Данное произведение является игрой слов и воображения».

«Посвящаю городу моего детства „Рокет сити“ (Королёв), который приютил меня в трудные времена и дал старт в другие миры, благодарен его обитателям, с которых написаны персонажи, разговоры которых я подслушал, хотя не хотел. Благодарен эстрадной музыке СССР из 60-х и 80-х, которая не дала мне сойти с ума за монитором. Всем Аннам, которые меня окружают или скоро узнают обо мне, посвящается».

«В нашем городе в барах все болтают про женщин и ракетную инженерию, но последнее время стали пропадать люди, и мы забыли о ракетах...»



Аннет — игра начата

Я Артур или Арти, для близких просто — Арт. Для вас я обычный краш-инженер, разбиваю и взрываю, изучая результаты прочностей соединений разных материалов в критических условиях, это называется — сопромат. Сейчас я временно работаю в доставке «Пять сезонов», наш город «Рокет сити» закрыли куполом, поэтому почти все уехали, город обезлюдел, заводы закрыты, офисы пусты, хотя у нас было всё: школы и сады, небоскрёбы в центре и лаборатории в пригороде. Почему так вышло? Ответа сразу не дам, да и никто вам его сейчас не даст.

Поэтому я и решил разобраться сам, я просто никуда не уехал, а остался в «Рокет сити». Понимаю, что ничего не понятно, но история слишком длинная, и на ваш век, может,

и не хватит, так что присаживайтесь рядом и делайте заказ в «Кафе у Луи» — это единственное приличное место на развилке, и в дополнение тут можно перекусить, помыть или заправить свою технику любой горючкой, тут-то я всегда и тусуюсь, а Жорик колдует с едой на стойке. Можете присесть напротив или рядом, пока места есть.

Это была третья годовщина моего пребывания за куполом, в тот день ничего не происходило, не было заказов — очередной сбой в сети. Я отключил все гаджеты и тупо просидел на АЗС до вечера, рассматривая входящих посетителей, как назло ни одного знакомого. Начало смеркаться, я доплелся до витрины, молча ткнул пальцем в парочку блюд на электронном меню, Жорик, кивнув, что-то ещё спросил вдогонку, но я уже плелся назад к диванчику. Позади звякнул звоночек открывающейся двери, это была Аннет.

Аннет или Ан — обычная школьница средних классов, одета всегда по погоде и обязательно вплетенный в волосы розовый бант или лента, это её пунтик. Вроде она умеет рисовать и хочет стать архитектором, чтобы перестроить наш город по своим правилам. Она немного угрюма и чуть сутулится, но вы не заметите это сразу, а когда она злится, вы увидите её смешные веснушки.

— Привет, Ан.

Ответа не последовало.

— Привет, говорю.

— Чего орешь? Я слышу, — она тронула большие наушники.

— Это что такое?

— Это? — Показывает на голову. — Пакет, — она остановилась и огляделась.

— Собралась за покупками? — Я старался быть серьезным.

— Нет. Просто пакет, что, не видно?

— Я вижу, и зачем на, на... на... — Я не мог договорить фразу, давясь от смеха.

— На голове? Хочу увидеть и понять свой мир изнутри. Привыкаю к новому ощущению, прислушиваюсь к настоящей себе.

— И давно?

— С утра.

— Не ела ничего?

— Не хочется.

— И как успехи в познании?

— Ощущаю себя гамбургером, которого скоро съедят.

— Что-то бедно с ассоциациями.

— Не будем спешить с выводами.

— По мне, так ты отделилась от нашего мира. Что теперь там изучать в пакете? Он пуст.

— А как же я?

— Ты просто одна и думаешь теперь не о себе, а о мире в пакете.

— Что, боишься остаться без меня? Один.

— Я как раз не один.

— Без меня ты один.

— Согласен, убедила, девочка в пакете. Не хочу ужинать один. Чего тебе взять?

— Я не хочу есть, — она плюхнулась на диван напротив.

— А-а, духовная пища, — я понимающе заулыбался.

— Это не я, а пакет влияет.

— Мне тоже надеть пакет для понимания?

— Не утруждайся, достаточно одного, я тебе передам ощущения, — она мелодично и игриво закрутила и плечами.

— Мысли пакета?

— Нет, мои, но упакованные.

— И каково?

— Я ограничена миром в пакете.

— Мне это очевидно, поверь моим объективным наблюдениям, вылезай.

— Тебе нравится мой мир?

Я пожал плечами.

— У меня тут всё есть.

— И что же там у тебя есть?

— Есть всё, что надо.

— Похоже на девочку, застрявшую в бумажном пакете «Пяти сезонов».

— Еще версии?

— Твой мир не так уж и плох с моей стороны.

— Ага. Откуда тебе знать, ты ж не видишь его?

— Раньше видел.

— И что? Я могла измениться.

— Ты что, пластику неудачную сделала? — Я засмеялся от души.

— Нет.

— А что тогда?

— Интересно? Теперь заинтересовался? Ага, ага?

— Да.

— Говорил, что знаешь меня, а теперь засомневался. Это почему?

— Я не знаю, что там у тебя на уме, у меня сегодня был тяжелый день, и я собираюсь перекусить, Жорик готовит спагетти с беконом и сладким перцем, с сырной посыпкой и зеленым луком, а тебе без лука.

— Так тебе нужно знать, что у меня на уме? Но сняв пакет, ты не найдешь ответа.

— Да. Ты права. Что теперь делать? Подскажи.

— Я ждала этого вопроса. Ты беспомощен без подсказок, правда?

— Мои мысли как на ладони, извини, раздал все пакеты нуждающимся, — старался я выдерживать её тон.

— Это игра.

— Чего, чего?

— Игра, глухой. Ты умеешь играть? — Аннет резко поменяла ноту.

— Смотря во что? — Я убрал наигранную улыбку, взглядываясь в темные глазницы пакета.

— Играть в игру.

— У игр есть правила и выигрыш, вылезай с пакета и сыграем.

— В моей игре нет правил.

— А выигрыш, ставки?

— Выигрыш нужно выиграть, скоро узнаешь, главное — игра. Ну как? — Она захлопала ладонями по столу, чувствуя, что переигрывает собеседника.

— Ну так не пойдёт. У игр есть игроки, ставки, выигрыш и море всякой всячины, а так неинтересно, на кой-чёрт мне тогда твоя игра.

— В моей игре всё просто, играешь ты и я. Э-э-э. Выигрыш забирает выигравший.

— Уже в игре и подыгрываю тебе, — я натянул дружелюбную улыбку.

— Я еще и не начинала игру, ты начал играть не по правилам и сразу мухлюешь. Прощаю тебя.

— Ладно, жду твоей отмашки, — я уселся поплотнее, готовясь к битве.

— Так по правилам прошлись, — Ан снова развеселилась, предчувствуя продолжение.

— Чего?

— Не перебивай, покончим с игроками. Мой мир против твоего. Назовем игру, э-э-э, пусть будет — «Столкновение

миров».

— Каких еще миров, — я заерзал на диване.

— Что внутри пакета и снаружи его, чего неясно то.

— Но ты из этого мира, только с пакетом, и тут явный обман. Теперь мухлюешь ты.

— Нет, я не из этого мира, это ты из моего, я отделила тебя с твоим мирком, которым ты так дорожишь, от мо-е-го г-лав-но-го.

— Ни чего не знаю про твой мир, я не вижу его.

— Зато я хорошо вижу твой, а мой мир тебя не должен беспокоить.

— Проехали. Ладно, что там со ставками и выигрышем?

— Я уже начал терять интерес.

— Что страшно?

— Терпимо. Похоже на эксперимент над мышками.

— Это игра, а не эксперимент.

— Угу. — Я задумался о новых странностях Ан и вспомнил о заказанных макаронках, появился аппетит, я глянул на прилавок, Жорика там не было, значит, всё идёт по таймингу.

— Ставки просты, ты ставишь свой мир, я свой.

— С моим понятно, — я размашисто раскинул рукой. —

А что там с твоим — пакетным?

— Стало интересно?

— Ставку делай и начнем, — я добавил строгости, в ожидании макарон.

— Мой мир в пакете, ты же сам сказал, что не знаешь, что у меня на уме.

— Что прямо целый мир?

— Замечу, не хуже твоего.

— Мой большой, а твой в пакете.

— Мой такой же, как и твой. Тоже называется миром и не имеет внутренних границ.

— Убедила.

— Теперь обсудим выигрыш в нашей игре в «Игру».

— И какой?

— Если проиграешь ты, то...

— То? Что? — Я вгляделся в темные глазницы пакета, где поблескивали бешенные глаза Аннет.

— То выигрываю я — тебя, а если я проиграю, то ты выиграл ты — меня.

— Игрок не может себя поставить как выигрыш, это не по правилам.

— Я и говорю игра без правил.

— Ты всё запутываешь.

— Да, всё просто, ты туп.

— Ты сказала игра без правил, а кругом одни правила, куда ни сунься.

— Где?

— Игроки...

— Игроки те, что здесь присутствуют, это не правила, а реалии.

— Ну а ставки, эти заумные миры — мой, твой. Мы словно два сумасшедших физика.

— Что так обеспокоился? Мы же не на деньги играем, а ради игры, и ставка самая ничтожная, которая есть у каждого игрока изначально — жизнь.

— Это как? А если я вдруг проиграю?

— То я выиграю твой мой мир. Тебе что, жалко? — она перестала ёрзать, теперь сидела с ровной спиной, аккуратно положив обе руки на стол, словно банкомет в придорожном казино или божество с египетских фресок.

— Тебе там точно хватает воздуха в пакете?

— Я дышу ровно и спокойно, поэтому мне кислорода достаточно. Ну что, играем?

— Ты выиграешь, я буду твоим выигрышем. Что дальше?

— Это моё дело, что я буду делать с выигранным миром, расслабься наконец.

— А если я выиграю, и выигрышем станет твой мир, то что тогда делать мне?

— Если выиграешь ты, то останется только твой мир, а если выиграю я, то останется мой. Ничего делать не надо, ты как всегда всё не догоняешь, я привыкла и жду.

— То есть миры поглотят друг друга?

— Типа того, не поглотят, а сольются, игра же — «Столкновение миров».

— И что тогда?

— Я же говорю, останется один. Ты забегаешь за горизон-

ты.

— А второй тогда куда денется? — я всё сильнее ерзал и вертелся, не находя удобной позы, Ан же, наоборот, говорила всё спокойнее и чётче.

— Никуда. Нет мира, нет ставки и нет игрока. Нет проблем. Мир един.

— Типа как в начале? До того, как ты вошла, я буду один, — я аккуратно подбирал слова, стараясь закрыть диалог и не потерять смысла.

— Возможно, я не могу предсказать игру без правил.

— Я могу подумать немного?

— Да, можешь. Думай. Немного.

Я зажал рукой лицо, изобразив, что думаю, сам едва сдерживаясь от смеха, держал крепко челюсть, чтобы не расколоться.

— Ну что, подумал? Готов? Ну что там? Спишь?

— Сейчас, — я почесал небритую морду, простучал по столу мотивчик, отхлебнул глоток холодного кофе, простоявшего с утра. Стало слышно и видно дыхание Ан в пакете. Жорик махнул мне рукой, я кивнул ему, показав на пальцах два, он кивнул в ответ.

— Ну. Ты что там умер?

— Хорошо, я со всем согласен, Аннет. Давай сыграем, я готов.

— Ставки сделаны! — Ан подняла раскрытую правую ладонь вверх, ожидая ответного хлопка.

Я хлопнул её по маленькой ручке и откинулся с облегчением на диванчике.

— Что теперь?

— Ты просто втянулся и не замечаешь, что уже в игре.

— В игре? Ничего не изменилось, — я демонстративно оглянулся и повёл плечами, провоцируя её.

Ан вдруг встала на диван и громко продекларировала, подняв обе руки над собой:

— Я отграничиваю свой мир от твоего, Арт, ты и всё остальное за пакетом теперь сами по себе — это твоё. Это всё на тебе, ты за это в ответе, это твой мир, меня в нём нет, пока ты не переиграешь меня. Игра начата... Игра на-ча-та.

Подошёл Жорик, глянул на меня и сочувственно закинул глаза в сторону, раздал тарелки с ароматной едой мне и Ан, доложил салфеток в салфетницу, забрал мой утренний кофе и блюдо с куском засохшего утреннего гамбургера. Наконец Ан сняла пакет с головы, и я выдохнул.

Книга первая — дневник Артура. Глава 2. Женщина потерявшая своё лицо

Женщина потерявшая своё лицо

Был тяжелый день и Артур не доехав до дома, выспавшись после смены в кафе «У Луи», стоял у окна, наблюдая за дорогой. Вошла Аннет.

— Привет, Арт, есть чего почитать?

— Ты прошла сквозь стекло, почему не брякнул звонок?

— Артур вздрогнул, и вышел из оцепенения.

— Ага, я прошла курсы левитации. Я повернулся и скрестил руки на груди и строго глянул на неё.

— Жорик пустил меня через заднюю дверь, так путь короче.

— Никакой магии?

— Ага, по тебе вижу, еще один готов.

— Как ты узнала?

— Дай блокнот, — она стала шарить по столу ища записи.

— Так как ты узнала, что

— Что ты дописал? Ты всегда стоишь у окна, если готово.

Так где же он?

— На ноуте набил.

— Ого.

Ан поворачивает к себе ноутбук, вбивает пароль одной рукой, ковыряя в этот момент в носу другой. Арт вернувшись к окну, снова встает спиной.

— Откуда ты знаешь мой пас? Я только вчера поменял.

— Ты же сам и сказал.

— А, точно. Сэндвич бери, еще горячий.

— Что ты там высматриваешь за окном? Пейзаж не изменился за год, поверь мне.

— Я изменился, — пробубнил я себе под нос.

— Чего? Чего там бубнишь?

Ан, уже поглощенная чтением, берет не глядя сэндвич, делает несколько больших укусов, оставив сэндвич во рту, достает из рюкзака старый китайский термос, расписанный яркими маками на клетчатом фоне, отворачивает мятую, повидавшую жизнь, алюминиевую крышку, долго возится с толстой пробкой, и наконец совладав с ней, и уворачиваясь от пара наливает в крышку термоса чай, закрывает снова пробкой и бухает термос на стол, не отводя глаз от компьютера, не сразу совладав с ногами усаживается по турецки.

— Подарили, — сказала она громко, обращаясь ко мне,

— Кипяток есть весь день, это чудо. Хочешь чай с шиповником?

Я оглянулся и улыбнулся.

— Как хочешь

Она подула на чай, попыталась взять кружку рукой, но бы-

ло слишком горячо, она наклонилась к кружке и смачно втянула в себя чуть кипятка, показалось мало и отпила ещё, наконец принялась читать вслух.

...Костяшки пальцев стали пунцовыми, и начали белеть, минуту или две он тянул бечевку по инерции, сжав зубы и часто дыша ртом, веревка подмокла и проскальзывала, приходилось перехватывать, сантиметр за сантиметром, чтобы не ослабевала, наконец почувствовав боль и резь, в пальцах он вспомнил, где он, ослабил хватку, но веревка врезалась в его посиневшую кисть и прилипла. Голова с красивыми идеально спутанными и намокшими от слюны и слез рыжими волосами тяжело давила ему на пах и мешалась. Любимая женщина наконец стала мягкой и податливой, пользуясь этим он приспустил её головку на колено и нежно слегка поцеловал, вначале в открытый ракушечный рот с коралловыми губами, затем не спеша пригубил красивые стеклянные глаза, смотрящие в никуда, один и второй, добрался до шеи и стал зализывать сизые синяки на шейке девушки, она была спокойна, миловидна и прекрасна, и стала даже чуточку лучше.

— Любимая, у нас уйма времени — целая вечность. Ты, я и вечность, — он засмеялся, смех перешел в захлёбывающийся кашель, он отхаркнулся в сторону. — Нет, только ты и я, и в жопу вечность, спи милая, — он улегся рядом...

— Что ты там читаешь? Ан, дальше, следующая глава, прервал её Артур.

...Он грубо вперся в неё очень, очень глубоко, она не сопротивлялась, вцепившись в засаленную, пропотевшую майку на его загорелой спине. Теперь была её очередь отвечать, она едва смогла сделать это на выдохе, сосредоточившись на приятном.

— Ты всегда пользуешься замужними?

— Только на ужин, мэм, — не сбиваясь с ритма, ответил он...

— Фу, нет, не то, Аннет. Дальше листай, прервал её Артур.

— А вот она. Пятнадцатая глава? Ты что дописал пятнадцатую?

— Не спалось сегодня.

— Целый месяц филонил и вдруг волшебная ночь Да ладно врунишка.

— Не месяц, а год.

Ан, продолжила чтение.

— Ага. Тадам, та-да-м, тадам. Ага, ага.

Ан, забегала глазами, бегло изучая текст, посмотрела поверх крышки ноутбука на Арти, и слегка улыбнулась. Арт, обернулся на неё, и снова отвернулся к окну и зевнул.

— Вечер сегодня темно-темно синий, словно алжирский шелк, — сказал Артур.

Ан, вспомнив о чае, ткнула для верности пальцем в ме-

талл, а затем смело взяла двумя руками остывшую кружку, выпила весь чай залпом, собрав языком капельки медленно стекающие по алюминиевой спирали резьбы. Закончив с ловлей капель и прилежно привернув крышку к термосу, Ан продолжила чтение.

...Она была хорошенькой девочкой, сразу как родилась, у неё была гармоничная головка, не как у кесаренных, темные глаза, пропорциональный младенец, мать сразу обратила на это внимание, а мать повидала достаточно новорождённых. Накричалась она сразу от души, мать не мешала прочистить ей легкие, закрыв глаза, она наслаждалась криком ребенка, представив сразу всё его будущее, крик поменял тембр, перейдя в требовательную нотку, наконец-то заявив миру о себе после многих месяцев заточения в утробе, ребенок успокоился, поймав губами теплую материнскую грудь. Насосавшись молока, под стук сердца матери, дитя погрузилось в сон. Это была девочка, её имя нам неизвестно.

Вся в отца, эта хороша, невозможно хороша, ослепительно хороша, ни одного изъяна, я оставляю её себе, — шептала удовлетворенная и восхищённая увиденным мать, получившая, то что искала долгие годы — ребенка, которого оставит себе, бережно вертя и рассматривая внимательно со всех сторон новорожденную, мать удовлетворенно бережно отпустила её головку себе на грудь. Нам с тобой хватит моих сбережений на несколько жизней, я отработала твою свободу и

свою.

Корпорация прислала женщине робота, а могли бы человека.

— Четыре миллиарда, если оставляете плод себе, — предупредил робот.

— Я забираю, я даю согласие. Подтверждаю, — мать не знала протокола и использовала всё что имела.

Робот завис и несколько минут был обездвижен. Мать начала сомневаться, ну вот робот засветился огнями и выдал текст.

— Ребенок переведен на счет матери, — он просканировал глаза матери, выдал несколько листков и карточку новорожденного.

— Замечательно, теперь я счастлива.

Отца мы не увидим, не будет о нём знать, и его прекрасная девочка, ещё не осознающая, что она не божественное явление, не уникальный узел бесконечного мира, а результат мимолетной связи двух человеческих тел. Про отца, знала только мать, но наша история в общем не об отцах и матерях, а об их мимолётных детях.

— Э-э-э, — младенец долго готовясь, и изучая свои возможности в новом мире, наконец осознав, что хочет сделать, отрыгнул на грудь матери липкую, кашу. Желудок пока не поспевал за аппетитом, то что тот долго и целеустремленно всасывал ребенок через жилистую и плотную, набухшую синими венами, левую материнскую грудь, повидавшую всякое

и раздувшуюся в этот раз до невероятных размеров. Это всё для меня, это всё моё, это всё что у меня есть, это всё что мне надо, думала она.

Мать расплылась в волшебной улыбке, наотмашь чмокнув дитя в лоб. Наконец ребенок заснул глубоким сном, а с ним обрела покой и мать, в этот момент — два мира, будущее и прошлое обрели неразрывную зыбкую связь.

Тот бизнес, был законный, всё по лицензии, её мать еще десятки раз беременела, пропадая на пару недель. Девочка каждый раз получала нового братика или сестрёнку, но появившись братики и сестры пропадали, девочка была единственной любимицей матери. Мать зарабатывала вынашиванием чужих эмбрионов, родившихся детей передавали в другие семьи, таков был договор.

Нашей девочке сообщалось, что братик не захотел появиться. Что, впрочем, устраивало её — девочку, которая, наконец поняв, что конкуренции не будет, занялась собой и своим внутренним миром.

— Мам, где мой братик?

— Кто?

— Мой братик, ты же была с пузырем, а в каждом пузыре есть ребеночек. А каждый ребенок — это мой братик или сестра. Где они, мам? Куда они деваются?

— Разве ты одинока? У тебя есть я, твоя мать. Зачем тебе братик?

— У Толика с площадки, есть два братика и сестра, все

они были из пузырей, с ними весело играть

— Доча, мой пузырь был пустой.

— Пустой?

— Да, братик захотел появиться потом.

— Как пустой? Почему? Я так ждала его, — девочка была разочарованна возможностью матери.

— Я сама не знаю. Пузырь рос, но оказался пустым.

— Мамочка, ну ты только не печалься, не плачь, у тебя есть я.

— Прости меня.

— Ещё будет пузырь, я уверена.

Мать гладила девочку по головке и улыбалась, она и не печалилась о пустых пузырях, на деньги с пустых пузырей они жили, и жили неплохо. Была куплена недвижимость на последнем этаже двухэтажного дома в центре Рокет сити, так проще было принимать доноров с вертолѐта, тех кто хотел личного и эмоционального контакта, на этаже был развернут блок по принятию родов и блок инкубации, куда нашей девочке запрещено было заходить.

Пролетело несколько лет, наша девочка подросла, пошла в сад, ещё в докупольную эпоху, стала хорошенькой и заметной девочкой. В саду, куда другие матери приводили своих детей, было много мальчиков и девочек, наша девочка подружилась с некоторыми мальчиками.

После появления у матери нового пузыря, мать наконец пообещала девочке братика и сестру, девочка ждала их, жда-

ла, но мать так и не вернулась. Так девочка осталась без брата, без сестры и без матери, она не стала плакать, и решила сберечь слёзы на будущее.

— Я не буду плакать. Если я буду плакать, я не верну ни матери, ни брата, ни сестры, а пропаду, как моя мать, а слёзы мне еще могут пригодиться.

Устроившись на работу девочка обнаружила, замечательное открытие, что она популярна среди мужчин.

«Я стала неслыханно популярна, все, что бы я ни выкладывала: измены, секс и насилие по отношению ко мне, попадало в топ новостей, я со своим каналом была всегда в тренде и была сверхпопулярна. Окружающие наблюдали за мной, за моими встречами, кафешками и любовниками. Я была всегда собой, но я была собой за деньги.»

— Появились новые технологии, омолаживающие организм и кожу до кожи младенца.

— И что?

— Я не смогла остановиться.

Так она детально освещала свою биографию, очередному молодому, внимательно слушавшему её журналисту. То был новенький зачарованный её фотографиями, они встретились у неё в доме, в котором она давно уже уединилась, зарабатывая своим лицом, не покидая убежища. Он был в костюме, по всем трендам и маркерам, как ей нравилось, она в вечернем платье с открытой до лопаток спиной. Они пили зеленый чай, который умело заварила она.

— Вы мне нравитесь, я в вас влюбился.

— Вы мне тоже приятны.

— Хороший чай.

— Я собирала плоды сама, без одежды.

— Я тоже люблю всё делать сам.

— Я вам нравлюсь?

— Конечно. Вы интересны. Мужчина приобнял её, экспромтом возник глубокий поцелуй. После этого произошёл сбой, и женщина неожиданно отторгла своё лицо и свою будущую жизнь и всё своё будущее, по договору. Мужчина, технично погрузив лицо в специальный кейс, включил питание, настроил режим жизнеобеспечения, цифры прибора стабилизировались. Он удовлетворенно присел глядя на фотографию женщины в рамке, чаю уже не хотелось...

— Ты выкладывал этот бред на ВАЙБ?

— Только сейчас написал, балбеска. Завтра выложу.

— Хо-хо, да уш-ш, это взаправду было или сам придумал такое?

— Вправду, придумал.

Девочка впилась в рыжую копну своих волос, долго ерзала не находя себе место в кресле и вертела глазами по кругу. Посидев так некоторое время, перечитав несколько раз концовку, наконец смачно хлопнув крышкой ноута, отодвинула его с отвращением в сторону, впилилась в Арта.

— Как тебе? — спросил Арт.

— Как можно откинуться от переживаний?

— В данном случае, это старость.

— И сколько ей было?

— Не знаю, сто тридцать — сто пятьдесят, при внешности девушки.

— Это генетическая мутация?

— Нет. Её спонсировали косметические корпорации.

— И зачем, ей столько лет быть девушкой?

— Я не знаю.

— Мне кажется, она была девственницей. Поэтому столько прожила.

— И что?

Ан, ответила не сразу, бросилась к термосу и нацедила несколько капель в кружку, потрясла его и затем, недоверчиво глянув в дырку термоса и успокоилась, долго и неспешно всасывала остатки чая, пытаясь достать особенно сопротивляющиеся капельки языком. Закрыв наконец термос и убрав всё со стола в рюкзак, она впялилась в спину Арта, что-то с усилием вспоминая.

— Это история про несчастную, из новостей, я припоминаю. Та дохлая баба из твоего рассказа, это про неё, Арт?

— Я был последний, кто возил её котам и ей еду. Не называй её — дохлой бабой.

— Как мне еще её называть подохшую бабу?

— Имей почтение к мертвым.

— Хочется проверить твой опус.

— Ноут перед тобой.

— Сегодня ни у кого в городе нет сети, профилактика.

Ку-ку.

— Вбей, у меня своя сеть.

Ан придвинула ноут, и вбила в поисковик требуемое. Затем долго рассматривала фото и читала, кликая на ссылки, наконец резко, хлопнув крышкой.

— Как же она красива и свежа, там и про тебя есть фото и про «Пять сезонов», написано и про наш купол. Мы с тобой выходит прославились.

— Ага.

— И как она? — спросила она, глядя на меня с прищуром.

— Ты о чем?

— Ты не интересовался ею?

— Зачем?

— Серьезно? Не видел её? Не поглазел потом в сети?

— Нет.

— Несколько месяцев возил еду этой бабе, сидел в тачке у её дома и ни разу не видел её?

— Многие так делают, прячутся от жизни.

— Какой же ты замкнутый. Она бы тебе понравилась.

— Нет сомнений.

— Знаешь, что — доставка. Верится тебе с трудом, ты хочешь меня одурачить, ведешь себя, как бездушный мудака.

— Ругаешься.

— Имею право.

— Я доставляю еду, и всё.

— Всё?

— Верно.

— А? Помощь?

— Нет, этого мне точно не надо.

— Ты не дослушал, что я спросила, а сразу ответил.

— Нет, это ты, не услышав ответа, сразу задала вопрос.

— Да ну тебя

— Видел, конечно видел, я же был последним свидетелем,

она была уже без лица, — помолчав он немного добавил. —

Её лицо появлялось позже на черном рынке, бывший любовник выкупил его за миллиард монет, оно уже за куполом, или чёрт ещё где. Может даже за пределами земли или галактики.

— Повернись ко мне, — вдруг, резко сказала Ан.

Я повернулся, мы столкнулись взглядами, и засмущавшись, я стал чесать бороду, делая вид что не вижу, что за мной пристально наблюдают.

— Сядь, сюда, ты бесишь меня со своим окном.

Я сел напротив, она стала рассматривать меня внимательно, сантиметр за сантиметром, вначале одежду, руки, затем бороду, морщины вокруг глаз, побелевший шрам на щеке у глаза, радужки глаз, подбираясь к зрачкам, пока я не отвел глаза в сторону.

— Какой же ты старый, я знаю тебя уже год, и ты постарел. А ещё больше, ты постарел со вчерашнего дня. Что случи-

лось Арти? Что с тобой? Что у тебя за работа? Ты стареешь на глазах.

— Хорошо, хорошо, ты права, Ан. Я расскажу тебе правду, но завтра.

— А ты доживешь, до завтра?

— А ты?

Книга первая — дневник

Артура. Глава 3. Ссаный старик

Ссаный старик

Этот поселок был в пригороде Рокет-Сити, двухэтажные бетонные коттеджи, последний заказ в сетке на сегодня. Поселок был мертв, в половине домов были выбиты окна, некоторые были сожжены, в один из этих мертвых домов и вел меня маршрут. Окна дома были темные, но живой свет включался по мере моего приближения к дому, я остановился у входа и неспешно размял шею.

Артур был не в настроении и голоден, заказ последний и муторный, но последим за его реакцией и восприятием, с такими он редко не сталкивался.

— Гребаные дачники снова спутали адрес, — прошипел он себе.

Дверь в дом открылась сама, я вошел, и она закрылась, щелкнув замком, погрузив меня в полнейшую тьму и тишину, с запахом ссанины и подпорченной еды. Глаза привыкли к тьме не сразу, передо мною стоял мужчина, жилистый старый дед в нижнем белье.

— Пять-один. Принято, — сказал сам себе дед.

— Здравствуйте, что за пять-один?

— Допуск разрешен.

— Вы вроде обмочились, я могу вам помочь?

— Я не только обмочился, но и обосрался, не стоит марать руки.

— Как хотите.

— Я должен иногда погулять, чтобы не забывать вкус жизни, подышать настоящим воздухом, я сам отключаюсь от приборов, чтобы напомнить себе о том, кто я такой. Почувствовать немощность и адскую боль в спине, увидеть галлюцинации из своего прошлого, не хочу, чтобы тело теряло связь со мною.

— Погулять, в смысле, как собачка на поводке?

— Ты верно заметил, остряк.

— У меня есть робот, всё потом приберет, подотрет.

— И где он? — я передернул раздраженно плечами.

— Это она, и она у тебя за спиной.

Я оглянулся, рассмотрев обмякшую тушку за собой, это был современный киборг-женщина, правда, с четырьмя руками.

— Что, нравится?

— Новая модель, откуда бабки?

— Братство оплачивает все расходы. Обожаю, когда у женщины четыре руки. А ты?

— Вы служили?

— Как себя помню.

— У нас нет армии.

— Конечно, теперь — глобализация.

— Вы в каком звании? — заинтересовался я.

— Он игнорировал мой вопрос и продолжил: — Ведущие корпорации имеют свои спецподразделения, которые и меряются членами, так меньше всего жертв среди управленцев — сила решает всё.

— Чего?

— Подавление, захват, уничтожение и зачистка электронной документации. Этим мы занимались.

Я понимающе кивнул, осторожно вошел в помещение, стал напряженно осматриваться в гигантском зале.

— Может выпустишь наконец пакеты. Кухня слева. Глаза уже привыкли?

Я двинулся влево, на полу было много мелкого мусора и всякая липкая дрянь, пришлось присматриваться, чтобы обойти, но все равно что-то хрустело при каждом шаге и прилипала подошва. Найдя чистый угол, я сложил пакеты и огляделся.

— А есть тут свет?

— Там маленькая лампа, видишь? — объявил старик.

Повертевшись и поняв, что старик называет лампой, я включил древний выключатель, загорелся тусклый свет лампы накаливания в абажуре, которой я подсветил обстановку вокруг себя, словно Прометей, определив на всякий случай варианты для отхода.

— Вы что, собираете антиквариат, нет здесь чего поярче?

— Тут есть всё, но у меня усиливаются видения от яркого

света, на окнах всегда жалюзи, а ей свет вообще не нужен, он кивнул на киборга.

— Не похоже, что вы недавно выключили любимую сожигательницу.

— Обычно я выключал «дуру» на день, — он кивнул в сторону двери, — Но в этот раз держусь вторую неделю, хочу побыть один.

— Вы и так один. Как ощущения?

— Руки не всегда делают, что мне надо.

— Теперь ясно, почему тут не прибрано.

— Можешь мне чутка помочь, остряк?

— Я уже помог и направляюсь по своим делам, включу, уходя, вашу «волшебную куколку».

— Постой.

— Да.

— У меня к тебе предложение, — не унимался старик.

— Спасибо, у меня горит следующий заказ, — я направился ко входу, обходя все засвеченные ранее ловушки на полу.

— У тебя нет следующего заказа, — четко ответил мне старик.

Я остановился на пути к двери, заказа действительно не было, этот был последним на сегодня, но как он узнал.

— Слушаю вас.

— Вернись на кухню, — скомандовал дед.

Я последовал его рекомендациям.

— Там стена, видишь? Проведи рукой, не стесняйся.

Я провел рукой по стенке рядом. Засветилась щель и створки холодильника в человеческий рост, мягко раскрылись, зазвучала манящая неуловимая, обволакивающая мелодия. Глаза разбежались, от видов еды в упаковках всех мастей. Была особая отдельная секция в виде бара с напитками и алкоголем из нескольких десятков бутылок.

— Я надеюсь, там все понятно.

— Ни чего себе погребок, — я остолбенел перед марками бутылок и ветчины.

— Это всё братство, я же не скажу им что живу дерьмово, — выдохнул старик.

— В дерьме, — поправил я вытаскивая и рассматривая этикетки бутылок на свет.

— Это мягко сказано, я забираю не все заказы, некоторые отдаю доставке, не смотря ни на что, многие остались тут с семьями, но ты новенький?

— Не совсем, я работаю по центру, но клиентов там все меньше, из-за прыгунов.

— Как с деньгами? Доставка по центру, — буркнул дед.

— Хватает, — я вытащил литровую бутылку Текилы, — Можно эту?

— Бери любую, остряк. Бокалов нет, разбиты. Пей из горла.

Я вернулся в зал, дотянул лампу с кухни, на сколько позволял провод, поставив её между нами. Расчистив место на

полу, я сел на против старика. Сделав хороший глоток из бутылки, наконец я внимательно разглядел мужчину и приготовился выслушать его. Он был жилист, с широкой костью, подстрижен с недельной щетиной, и не смотря на ссанину и прочее дерьмо выглядел опрятно. Со спины у него болталось несколько трубок и проводов, впрочем как они конкретно крепились и чем заведовали я не интересовался.

— Так чем я могу помочь? У вас вроде все есть.

— Дай, мне тоже глоток, — он слегка дернул указательным пальцем.

Я дал ему сделать глоток, придерживая его голову. На шее активно бился пульс.

— Может вам сесть?

— Нет, я неделями лежу в мечтах, — он вяло прошамкал до спинки старого деревянного стула в стиле ампир и облокотился на него руками, вышло что-то типа трибуны Фиделя, — благодаря тебе, сынок, я начинаю приходить в себя.

— Так в чём вопрос? — напомнил ему я.

— Не вопрос, а маленькое дельце.

— И?

— Сейчас мне будут звонить дети, так происходит раз месяц, но я сегодня не чувствую пальцев для ответа на звонки, — нижняя губа его задрожала, глаза заблестели от скопившихся слёз, они стекали по подбородку и шее, затем скатываясь по пузу в гадкую промежность и пропадали.

— Ладно, старик. В чем проблема? Много детей?

— Шестеро.

— Херась.

— И пятнадцать внуков.

Я замялся и стал чесать нос, нащупал бутылку и сделал глубокий глоток, взвешивая ситуацию и умножая ценник, затем сделал ещё глоток и кивнул ему.

— Ну так отвечайте им, в чём проблема, связь в городе в норме этим вечером.

— Телефон кнопочный, им нельзя меня видеть ни как.

— И где его искать? Тут ёбанная тьма, и разруха, как в склепе.

Раздалась мелодия и мы оба завертели головами, из темного угла засветился экранчик, подсказав нахождение прибора, я бросился в прыжке к старомодной трубке со светящимися клавишами.

— Что теперь? — обратился я к старику.

— Отвечайте, жми кнопку, идиот.

— Какую?

— Зелёную, она слева

Нажав кнопку, я перевел звук на громкую связь, как в детстве, пальцы сами наконец всё вспомнили.

— Привет деда-а-а?

— О, как громко. Привет попрыгунья.

— Когда ты к нам приедешь дед-а-а? А?

— Сейчас подлечусь и уже еду? А где два твоих рыцаря?

— Балбесы, на тренировке. Жух-жух, это два лучших бой-

да в нашей школе, лучше им не попадайся на пути, деде, теперь они дерутся между собою, больше им некого колотить, скоро чемпионат района-а-а...

— Отлично, а мать? Мать рядом?

— Да, папуль, — подтвердила мать ребенка, — Я и Кир слушаем, ты почему не собрался ещё, я оплатила тебе перелёт из купола, две недели назад. Тебя выпускают, ты прошел все проверки. Зацени наш дом на берегу, это бесподобно, мы все тебе устроили. Подключи видео, я тебе покажу внуков и твою будущую комнату, там всё как ты любишь.

— Ладно, доча. Увижу, увижу скоро вас, все собрал, ждите, — он глянул на меня, подняв палец к губам.

— Отец, смотри вот твоя комната, все в полутьме, тебе же прописали полутьму, — дочь показывала его будущую спальню.

— Спасибо, спасибо. До встречи.

— Ждём, папуль.

Мы просидели несколько минут в молчании. Я держал трубку в руках, перед собой.

— А остальные звонки когда? — одумавшись напомнил я.

— Всё. Это всё.

— Всё? — я заёрзал не понимая шутку.

— Остальные мертвы.

— Повторите.

— На этом всё?

— Издеваетесь?

— Из-за генетических мутаций, которые я им передал, остальные мои дети и внучата погибли, но младшая дочь не была со мною тогда в лаборатории из-за насморка, её увезли и мы почти не виделись, я даже не помню её.

— Это бред, какое излучение, какая лаба?

— Рокет Сити — гигантская лаборатория корпораций, мудила.

— Тут конечно всякая хрень происходит, но ты старик, окончательно спятил.

— Так ты не знал? Ты не знал, что живя здесь, здесь и останешься? Если тебе дали пропуск на выход из купола, это пропуск в могилу, и семьи ты не увидишь. Они боятся нас.

— Кого?

— Купольных, тебя и меня.

Описав мне все, что хранились в его подвале и коды доступов, старик помер у меня на руках. Оружейные запасы мы перевезли в тот же вечер, до приезда органов.

Книга первая — дневник Артура. Глава 4. Что про вас знает Артур-пуля

Что про вас знает Артур-пуля

На Рокет-Сити навалился буран, за окном серая мгла, снег и дождь одновременно.

Внутри бетонного полицейского участка тепло и тихо, в переговорной трое людей: двое мужчин и одна женщина.

Стройная девушка в кресле у окна, одна нога ловко уложена на другую, она задумчиво почесывала расцарапанную коленку, потом поднялась, мягко прошла по толстому ковролину до кофемашины. Отработанными движениями сделала три чашки кофе, раздала мужчинам, оставив третью себе. С первого взгляда она приглянулась Артуру, но кто она такая, я пока сам не знаю, после расскажу о них, если успею.

Мужчина двинул Артуру квадратную керамическую чашку, кивнув девушке. Артур бегло взглянул на девушку, неуловимая неловкость в движениях и взгляде, запудренные синяки под глазами и легкий румянец на щеках которой говорили об обилии ночного и раннего утреннего секса.

Это была уже вторая встреча за сутки со следователем, Арт, отработав ночную смену, валился с сил и спешил домой, на койку в гараж, и был готов заснуть без перекуса и

допинга.

— Вчера вы тоже были не так разговорчивы.

Артур покрутил чашку с кофе и сделал глоток.

— Н-да... Тема непростая, — повторил следователь.

Артур кивнул.

— В общем, после последнего блэкаута в городе работает не более пяти процентов камер слежения, остальные погорели, а сервера и копии с данными уничтожены, восстановление невозможно. Теперь мы не можем наблюдать за городом удаленно, а только через очевидцев или киберов.

— Это купол, тут никто не строит долговременных планов, — выдохнул Артур.

— Поэтому нам нужна ваша помощь, Артур, — он оглянулся на девицу, которая внимательно следила за диалогом.

— Какая? — хмыкнул Артур.

— По продуктам в доставке вы можете узнать всё про человека? Это правда? Или я не так вас вчера понял?

— Это возможно.

— Как? — следователь сделал несколько коротких глотков кофе, держа чашку обеими руками, и наконец отставил кружку в сторону.

Артур не спешил с ответом, ранее он разговаривал с такими следопытами, он посмотрел в сторону, за окном продолжался буран. Он перевел взгляд на девушку, на её курносый лобастый силуэт, та скомкано улыбнулась, наконец он повернулся к следователю.

Следователь — суховатый мужчина за пятьдесят. Крупные морщины у глаз и вокруг губ, хрипловатый голос выдавали в нем курильщика, он сложил свои здоровенные кулаки на стол, спутав пальцы в клубок, Артур встретился с ним взглядом, раздумывая, стоит ли ему продолжать разговор и будет ли ему это выгодно, а если выгодно, то что требовать взамен. Следователь со своей стороны, с прищуром, рассматривал Артура, не торопя его с ответом.

Любое его, Артура, действие, как он предполагал, подтверждающее его возможности анализа состава продуктов, затащит его дальше, в глубокие бумажные дебри, от которых не будет пользы, вдобавок из-за проволочек он потеряет в зароботке, что будет реальной проблемой.

Очевидно, эти ребята застряли тут надолго, хотя этого ещё не знают, поэтому могут ему пригодиться, если заключить сделку прямо сейчас. Например, для связи с детьми за куполом или для обновления его техники. Зачем вообще компания закинула сюда эту парочку? Выжить тут можно только в одиночку, а отбиваться лучше вместе, но кто тут враг — неизвестно никому. Так зачем их закинули? Вот что я должен узнать, напомнил он себе, рассматривая силуэт красотки у окна.

— Элементарный анализ, — после долгой паузы, громко объявил Артур.

— На сколько элементарный?

— Сопоставление состава нескольких доставок может на-

вести на выводы.

— Какие выводы?

— Любые. Что вас интересует?

— Почему умирают и пропадают клиенты «Пяти сезонов»?

— По продуктам вы многое узнаете: график их приема пищи, психологический настрой, какие ожидаются гости, что за болезни предстоят в будущем от продуктов...

— Всё это может быть причинами смертей?

— Вполне.

— Ну и...

— Вы ждёте от меня формулу смертей?

— А есть?

— Дайте номера заказов для разборки, я не все помню.

— Что может сказать состав продуктов?

— Всё... Всё, что угодно. Нет еды — нет жизни. Только сколько они дробят или сколько у бляди посетителей, я не отвечу, — буркнул Артур.

— Я об этом ещё не спрашивал.

— Но подумали?

— С чего вы взяли?

— Вы же к этому ведете.

— Это важные мотивы, я не спорю.

— Я могу помочь вам, лишь описав мотивацию клиента.

— Это уже хорошо.

— Но я не могу предсказать их действия.

— Этого уже предостаточно.

— Достаточно для чего? Для обвинений всех?

— Не спешите с интерпретацией тутошних законов.

— Мы ничего не узнаем про убийцу, и как тут все мрут день за днем, день за днем, день за... — Артур перегнулся через стол к следователю.

— Успокойтесь. Мы разберемся потихоньку.

— Мои наблюдения не обязывают вас к решениям. Я смог частично систематизировать свои наблюдения на основе реакции и внешнего вида клиентов при касании пальцем или в процессе передачи заказа, но я обычный краш-инженер, я строю мир на основе сопроматов и свойств тел в различных условиях, ища границы их возможностей, так же, как вы ищете — смерть, — Артур говорил, смотря в стол.

— Что вы строите? Не понял, в каких условиях? Изъяснитесь проще.

— Вы о чем?

— Вы упомянули — смерть.

— Проще говоря, у всех физических тел, вообще у всего, и даже у вас, есть предел близости связей, после преодоления которого одно из тел может разрушиться и разрушить соприкасающееся с ним тело, как физически, так и ментально, тут связь тысячи тысяч факторов, — он наблюдал реакцию следователя на слова.

— Ментально? — следователь криво улыбнулся. — Вижу, вы реально рехнулись, всё, как написано в досье.

— Тут важно учесть всё, что можно вокруг: температуру основных тел и окружающую, движение тел, сопротивление, встречную скорость, точку первичного соприкосновения и заложить погрешность на то, что не учли. Всё равно вы не сечете ни хера... Верно?

— Короче — какой вывод? Как говорила моя покойная старуха-мать, — проговорил опер, не меняясь в лице.

— Хотите использовать это в жизни? — Артур изобразил заинтересованность.

— Взаимодействие тел? Я про этот ваш компромат или сопромат, как его?

— Сопромат не применим к биологическим телам. Мы разрушаемся не по правилам, а вопреки, хотя основаны на тех же молекулярных законах. Одним словом, камень не умирает — он вечен, а человек умирает на раз-два, хотя оба состоим из одних и тех же веществ.

— Люди разрушаются не по правилам, а другими людьми.

— Меня подозреваете?

— С чего взяли?

— По вашему тону.

— Ошиблись.

— Вообще мне пох, тут каждый второй покойник, у полиции есть статистика — изучайте, — он машинально взглянул на девушку, та быстро отвела глаза.

— Часто просматриваете покупки клиентов? — продолжил следователь.

— Не всегда, я же не маньяк какой-то, только когда нечего делать. Старых реже, новых клиентов просматриваю всегда и сразу вижу всё про них.

— И что видите?

— Я не могу разглашать эти данные каждому встречному-поперечному, дайте запрос в управляющую.

— Не под запись, — обращаясь к компаньонке, делает ей знак рукой.

Оба ждали, пока та возилась с настройками прибора записи, наконец всё отключив.

— Подойдите сюда, — Артур призывно пошлепал ладошкой по столу.

— Что? — ответила девушка.

— Подойдите, подойдите. Дайте сюда, сделаю всё сам.

— Хорошо, — ответила девушка, переглянувшись со следователем.

Она передала ему устройство, Артур легким нажатием вытащил карточку из прибора и положил рядом.

— Всё? — её черные брови, изображая невинность.

— Вы слишком хорошая актриса или плохая, пока не разберу, — он указал пальцем. — Осталась вон та заколка.

Она расправила сажево-черные прямые до пояса волосы, достав толстую заколку со встроенным компьютером, и затем придвинула её рукой к Артуру, он отключил заколку, для верности накрыл её рукой, продолжив рассказ.

— Могу вернуть её назад, но закреплю её сам, если вам

так мешают ваши лохмы.

— Нет, спасибо, — ответила она, пятясь к окну, закидывая мешающие волосы за ухо.

— Я только хочу помочь. Вы, кстати, надолго у нас?

— Не очень, на месяц или два, — ответили они одновременно.

— Месяц-два? — Артур засмеялся. — Ах, вам не сказали, карантин на выход из Купола — полгода. А детей тех вообще не выпускают.

Следователь и девушка переглянулись.

— Не расстраивайтесь, нам поставляют всё, что необходимо для жизни.

— Вернемся к делу, — напомнил следователь.

— Так вот, если клиент из «Пяти сезонов» заказывает одно и то же, но вдруг в заказе что-то новое, тут и начинается самое интересное, на этом месте стоит призадуматься, — заверил Артур, привлекая внимание собеседника, стуча пальцем по столу.

— Над чем призадуматься?

— Пока не думайте, я не договорил, — он продолжил. — Курьеру всё дозволено. Клиенты отдадут ему коды входа в подъезд, пароли или бросят ключи с балкона, а в финале откроют двери в своё логово сами. Вуаля, вы внутри жилища, — он посмотрел внимательно на слушающих. — Мы годами поедаем одни и те же продукты в одно и то же время, это связано с доминирующим биологическим ритмом животных.

Доставка продуктов — залог нашего ритма.

— Что дальше?

— А дальше подмена продуктов или замена на похожий. Например: можно скорректировать привычки, вколов в мамино смузи или в пакетик детского питания дозу сильного снотворного, и в результате «улучшить» целую семью...

Следователь недоверчиво прищурился.

— Я так, естественно, не делаю, но так делают другие. В общем, не грубая сила, не секс, не дофамин, не деньги и не тяга к прекрасному, а жрачка правит миром.

— Это интересное наблюдение, — кивнул следователь.

— Так кто конкретно вас интересует? Многодетные мамочки, богатые обитатели коттеджей, может, странные клиенты, не показывающие своего лица, одинокие старики и женщины, может, безрукие инвалиды, не покидающие годами своё жильё, или дети, живущие с киборгами, родители бросили их, выгодно продав пришельцам и уехав за купол.

— Дети? — переспросил следователь.

— Теперь забудем о десятке однообразных продуктов и сосредоточимся на изучении свойств появившегося нового продукта в заказе. Это «новое» теперь становится вектором нашего пристального изучения. Продолжать?

— Ага, ага, так-так, — следователь заморгал глазами.

— Вас поселили в отеле «Куб» у блокпоста в центре? — спросил Артур, наблюдая реакцию слушателей.

— Хороший отель, — быстро ответил следователь.

Артур повернулся к девушке.

— Мне тоже нравится, — находясь в задумчивости, ответила она не сразу.

— А других тут и нет. Обживаетесь неделю? — поинтересовался Артур.

— Две, — следовательно замешкался, вспоминая.

— Так вот, — Артур сделал глоточек всё ещё теплого кофе и продолжил, — мужик, например, может уменьшить количество мяса до нуля — тут налицо проблема с деньгами, а если девушка уменьшила в рационе сладенькое — значит, она готовится к летним встречам. Это очевидная ситуация.

Мужчина и женщина слушали рассказ Артура с каменными лицами.

— Вот другой пример, чуть сложнее, женщина заказывает раз в неделю по пятьдесят одинаковых позиций товара: много готовой еды, гигиенические прокладки и мужской дезодорант «Э.К.С.». Вы знаете, как удобно сделать автоповтор, но на вторую неделю наша героиня неожиданно добавляет новый товар к пятидесятому, теперь выходит пятьдесят один. Этот пятьдесят первый номер — тест на беременность.

Девушка у окна роняет кружку.

— Извините, — она быстро подняла её.

— Так вот, — Артур щелкнул несколько раз двумя пальцами для привлечения внимания мужчины, — есть в нашем городе дамы, что заказывают минимум продуктов и кошачью еду, но вдруг в заказе появляется десяток кило говяжьего

мяса и масло.

— А что это значит? — вставил следователь.

— Либо кошки превратились в тигров, либо появился реальный тигр, — Арт внимательно присматривался к нему в процессе фразы.

— Да ну, не может быть.

— Могу дать координаты того места доставки.

— И много у вас таких наблюдений?

— До-о-о-у-йя, — он кашлянул в кулак.

— Так и знал, — он несколько раз стукнул здоровенными ладошками по столу, — их целая шайка. Мне нужны все подозрительные заказы? Вспомните?

— Вышлю завтра. Разбирайтесь, а я тогда пойду.

— Сядьте, вы никуда не пойдете.

— У меня скоро смена. Мне нужно минимум три часа сна.

— Мы всё уладим, — вмешалась девушка.

— Что уладите? На полигоне я один. Меня уволят, а другой работы нет.

— Мы компенсируем, — он глянул на спутницу, та незаметно кивнула, — неделя доставок бесплатна.

— А мне что с того?

— Вам неделя будет оплачена вперед.

— Звоните.

— Чего?

— Звоните в головняк, — Артур двинул ему трубку, — копятя штрафы...

— Ерунда.

— Звоните, — повторил Артур.

Дамочка стала звонить и вышла из переговорной, там она ходила взад и вперед, то исчезая за матовой стеной, то появляясь снова, Артур перестал следить за ней и переключился на бурю за окном, город запорошило, и ничего не было видно. Тишина прерывалась настойчиво звенящим телефоном в соседнем кабинете.

— Я всё уладила, — сказала она, вернувшись.

— За неделю тут исчезает по несколько десятков человек, на этой неделе: умер отставной военный, пропала шлюха с лицензией и, — следователь присмотрелся к тексту, ткнув пальцем в строку, — еще исчезла девочка, звать Аннет, лет тринадцать-четырнадцать, в школе её нет уже больше недели, — закончил он.

— Я здесь при чём?

— Вы возили им заказы? Посещали этих людей?

— Людей? Ан нет, не посещал, даже не знаю, где она живёт. Она питается сама.

— Вы её знаете или нет?

— Нет.

— Почему про нее говорите как о знакомой?

— С чего это?

— Вы пропустили двух других и зафиксировались на ней.

— Я ни на ком не фиксировался, просто она последняя.

— Последняя, кого вы видели?

— А, вы любитель передернуть небо с землей, блядь.

— Значит, она вам знакома?

— Мы не знакомы, я её не знаю, но мы разговаривали вчера.

— Вчера.

— Вчера?

— Да.

— Где?

— Не помню, тогда нажрался.

— Закончим. Это мой ассистент, — следовательно сделал приветственный жест в направлении девушки, та поспешила к ним, улыбаясь.

— Наконец-то познакомились, меня зовут Артур-пуля, для вас просто Арти или Арт, — представился он.

Она протянула узкую ручку навстречу его огромной ладошке-кляшне, он двумя пальцами пожал её.

— Ангелина, — она опустила глаза, назвав своё имя, — Я ваш нейропсихолог, вам предстоит несколько анализов.

— Не выношу боли.

— Будет не больно. Вы записаны на конец недели на глубокую диагностику лимбического мозга, ваши смены в этот день отменены, бонусом двойная оплата от корпорации.

— Хорошо, я помогу вам, но у меня есть пара условий, — наконец решился Артур.

— Говорите...

Книга первая — дневник Артура.

Глава 5. Забытый рецепт медовика

Забытый рецепт медовика

Легкий грузовой транспорт желтого цвета, издалека больше похожий на гигантского жука, чем на машину, завис на безопасной высоте и в достаточном отдалении от плюща.

Рокет-Сити был прекрасен в алых лучах заката. Часть небоскребов давно обрушилась, обновив ландшафт, многие дома полностью заросли плющом, некоторые, лишившиеся стекол, были похожи на скелеты фантастических гигантов, стекла снимали банды для перепродажи, другие дома, наоборот, были нетронуты, что-то их защищало, но природа год за годом обгладывала город, превращая осколки в руины, а руины в холмы. То там, то тут всё еще остались живые обитатели, отказавшиеся от компенсаций и переселения из купола за счёт корпорации, им мы и доставляли продукты и все необходимое для выживания.

— Нам пора, — пропела Эль.

— Эль, будь добра, переведи на ручное.

— Опять. Любимый маршрут?

— Клиентка, представляешь, живёт в нашем старом доме,
— он вздохнул.

— Извини, не нуждаюсь в представлениях, мы ездим туда

раз в неделю.

— Ладно, ладно, не скули. Загрузи старую карту, до разрушения.

— Опять? Она устарела.

— Грузи, это для тебя, а не для меня.

— Хорошо, ты тут босс.

Он отщелкнул большим пальцем тугие солнцезащитные очки, они убрались внутрь шлема, яркий оранжевый свет заката ослепил его, и он зажмурился, прикрыв глаза рукой, посмотрев сквозь пальцы на город.

— Если будешь снова вмешиваться в управление, то полностью отключу тебя, и твоего дружка тоже, — он постучал пальцем по крышке с блоком отключения автопилота.

— Я не понимаю этой игры, она может причинить тебе вред.

— Брось, Эль, мы оба знаем про твою дерьмовую корпоративную установку — всех спасти.

— Вероятность опасности всё же есть.

— А каково твоё мнение?

— Ты меня не будешь слушать, я же робот.

— Опять за своё. Почему не буду?

— Мы обсуждали это в прошлый раз, а до этого тоже не раз.

— Эль, если ты переживаешь за нас, то останови меня.

— Это невозможно, я знаю.

— Ты знаешь, что такое надежда?

— Убеждение, что выпадет один шанс из миллиона.

— Нет.

— Уверование в вероятность того, что невозможно.

— Ближе, но мимо. Последняя.

— Осознанное противостояние законам природы.

— В точку, — он громко хлопнул в ладоши. — Где ты такого нахваталась?

— Записалась в библиотеку.

— Моя надежда против твоей вероятности. Как тебе?

— Доверяюсь тебе целиком.

— То-то. Это не детская игра, а мои воспоминания.

— Пустой разговор, пока ты меня не подключишь к себе.

— Мир многослоен, словно торт медовик, то сладкий слой, то нет.

— Хочешь, чтобы я не микшировала слои?

— Каждый останется в своём.

— На воспоминаниях прошлого строятся будущие, если старые воспоминания сотрутся, то и будущего тоже нет.

— Это твоя дерьмовая установка или рецепт?

— Мы поняли друг друга. Эль, прошу, не тормози снова перед зданием банка, я помню его высоту до метра.

— Я предотвратила тогда вероятное столкновение.

— О, что мы говорим? Машина была пустая, я сам устанавливал тюнинговые гравитационные тормоза и знаю их возможности. И, и тогда же был ещё сантиметр. Верно?

— Верно, но я перестраховалась.

— Всё же ты мне не доверяешь. Ну, погнали...

Он плотнее подтянул на два деления пятиточечный ремень безопасности, сжал руки в кулаки до хруста пальцев, хлопнул в ладоши, и руль подъехал ближе, помедлив с секунду, он ухватился за него мягкими перчатками из натуральной кожи, проверил зацепы ног к педалям, еще раз убедился в руле, проверил визуальные координаты и графики мощности на приборах. Город погружался в закат, с земли поднимался туман.

— Я закрываю глаза и доверяюсь ощущениям, — прошептал он.

Машина плавно тронулась и поплыла по воздуху, как перегруженный морской круизный атлантический лайнер, вдруг машина резко рухнула вниз между домами, все стабилизаторы убралась в корпус и резко раскрылись для торможения. Теперь машина понеслась в десяти сантиметрах от треснувших асфальтовых плит, поднимая за собой спиралью пыль и раздувая на пути одинокие лужи с грязью.

— Дорога на тренировку, — сказал он вслух. Глаза его забегали под закрытыми зрачками.

...Он был безмерно счастлив и шел вприпрыжку, за спиной новый рюкзачок, отец крепкой сухой рукой держал его за влажную руку, тут слишком активное движение. Он как всегда просил у отца мороженое на переходе, он обожал фруктовое с орешками и всегда слышал строгий ответ отца: «После тренировки посмотрим, сын. Кстати, тренер сказал мне,

что ты делаешь успехи. Говорит, у тебя отличный вестибулярный аппарат», — этого было достаточно для мотивации в детских спаррингах. Уже после, перед тем как приступить к мороженому, он всегда прижимал холодный стаканчик к набитым на тренировке щекам...

— Я рекомендую сбавить скорость вдвое до безопасного минимума. Боковые потоки на перекрестках сбивают наш курс, — холодно брякнула Эль.

Но он лишь вдавил сильнее газ и заулыбался падающим на лицо через разбитые окна солнечным лучам, добавил круговое вращение штопором для центрирования машины на прямой.

— Впереди тупик, развернитесь, — не останавливалась в советах Эль.

Машина боком, сделав полицейский разворот, вошла в темный и просторный атриум разрушенного наполовину здания, потоки из четырех турбин по четырем сторонам корпуса фиксировали машину между стен, вдавливая её в середину прохода. На полу осколки битого стекла и сгнившего органического мусора, покрытые толстым мхом, с потолка то там, то здесь свисали огрызки проводов, где-то текли струи воды.

— На помещения у нас нет карт, перехожу на датчики, — долдонила Эль.

На мгновение он остановил машину, глубоко вдохнув влажный сладковатый воздух здания, выровняв за раз дыха-

ние и сердцебиение. Сжав челюсти, дал газу и активно заработал рулем и педалями одновременно, регулируя баланс машины во всех возможных плоскостях. Воспоминания в его голове превратились в органичный танец в ограниченном пространстве.

Машина летела, вылавливая фарами страшные силуэты теней, едва вписываясь в огромные коридоры, где-то высекая искры, задевая армированными усилителями бетон стен, оставляя после себя желтые шрамы на стенах, то с горизонтальной прямой шла свечей ровно вверх, вдруг падала в сторону вниз, кружась бочкой, то тормозила в ноль, открывая все воздушные тормоза, или делала двойной дуплет для гашения скорости и разворота в узких коридорах. На его висках вздулись жилы, разбухшие бицепсы рук распирали эластичный костюм. Он не спасовал ни разу, наслаждаясь ритмичными пролетами по этажам на грани столкновения, он знал там каждый уголок, в детстве он шатался там днями напролет, протирая углы коридоров с пацанами.

— Эта твоя надежда — не лучшее тактическое решение, мы не заходили сюда ранее, я нашла и загружаю план здания, — усилив циничную нотку, заявила Эль.

— Ты что, испугалась, Эль?

— Да. Эта установка у меня не отключена.

Вылетев из атриума, на повороте машина турбулентностью сбила несколько игровых автоматов, это был классический «Пак-Ман» и «Рассер».

— Мы задели что-то, — пожаловалась Эль.

— Тут всё по-старому. Продолжим игру, — он поморгал глазами и вдавил газ.

...Это игровой комплекс, целых пять этажей развлечений, несколько залов гигантских «Аймакс»-кинотеатров, здесь годами он пропадал с ребятами после школы, смотря новейшую фантастику в кино. Вот справа магазин с моделями конструкторов, тут налево холл с серией автоматов, вверх на смотровую шесть лифтов. Когда он терял ощущение времени и заигрывался допоздна, отец по наставлению матери искал его здесь и, держа крепко и больно за руку, вел до дома.

Когда за ним приходила мать, в черной водолазке и сером пальто, она мирно ждала его в ночной кафешке, занимаясь своими записями, вернувшись к ней, он еще час, до полуночи, рассказывал ей о своих виртуальных победах и о пройденных смертельных уровнях, о том, что ему пришлось пережить, дойдя до очередного жуткого босса, как он до конца не терял надежды на победу. Она его внимательно слушала и не перебивала, если её что-то особенно впечатляло в его рассказе, поднимала острые черные брови вверх, или брала его за руку своею теплою рукою, чтобы успокоить. Потом они в обнимку шли до дома, он засыпая на ходу, она думая о чем-то своём...

— Впереди тупик, — холодно предупредила Эль, — это железобетонная стена...

Он не сбавил скорости и не сходил с прямой, зазвучал

методичный предупреждающий звук датчика критического сближения, перейдя в монотонный гул... Вдруг они прошли легко стену, вырвавшись на свет заката.

— Плющ, — сказал он себе, мгновение поморгал глазами, зацепив пространство приборов и сориентировавшись, где он, снова зажмурился, — две недели назад ребята пробили тут проход, я заметил ещё тогда на обратном пути, слишком быстро плющом заросло, — капелька пота набухла на его виске и вдруг при резком повороте машины соскользнула по брови, устремилась к ложбинке носа, повисев на месте при вертикальном взлете, устремилась к щеке, снова развернувшись, врезалась в губу, застряв там в недельной щетине, он слизнул её.

— Мы прилично срезали, осталась менее половины пути, — подтвердила Эль.

— Будьте осторожны, рядом школа, — объявила Эль.

— В школу сегодня не поедем, иначе не уложимся во времени, — но руки его сами плавно повернули штурвал к школе, глаза забегали за закрытыми веками.

...Раньше они детворой играли в футбол между строящимися домами, а когда места не стало, футбольную площадку перенесли на крышу школы, оборудовав там поле. Тренировка закончилась, и тренер всех распустил по домам, все пошли на трибуны у сетки смотреть город. Двое рослых постарше предложили посоревноваться в подтягивании, но решили это сделать на пожарной лестнице последнего этажа

школы. Мы всей гурьбой двинулись к лестнице, пролезли через порванную сетку и столпились у лестницы, было высоко, внизу ехал транспорт.

Двое определились, кто будет первым, тот, кто был рослее, повис над пустотой, сделал три подтягивания и вылез с улыбкой, второй долго растерянно стоял у карниза, а повиснув, сделал два подтягивания, ребята вытянули его наверх, сил у него уже не оставалось.

— Есть ещё желающие? — заявил вылезший, облокотившись на ржавые поручни.

Все дружно отступили назад. Кто-то в шутку толкнул самого малого пацана, вывалившегося на середину площадки.

— Что? Кто толкнул Артика? — ответа не последовало.

— Я сам вышел, — ответил Артик.

Артику было четыре, и с ребятами он играл в футбол на правах новенького, получая пендалы, всегда выполнял команды тех, за кого играл. Он не то чтобы подтягиваться не умел, он месяц назад был отпущен на тренировки в группу.

— И что теперь? — сказал старший.

— Я хочу тоже. Буду подтягиваться, — Артик насупился и подошел к трубе, повернулся ко всем лицом. Стоящие напротив опустили глаза.

— Это нельзя, Артик, тут высоко... Ты же не умеешь подтягиваться... Да он дурак, идемте уже отсюда, — раздалась возгласы из толпы.

— Если хочет, то пускай, — ответил старший, сделавший

три подтягивания.

Передумывать Артику теперь было поздно, раньше он ни разу не подтягивался и не пытался, понурившись, он встал на колени и схватился за ржавую трубу, никто из ребят не попытался его остановить, теперь он повис над дорогой, под ногами было пусто. Ребята замерли с открытыми ртами, никто не проронил ни слова. Ржавая труба впилась в пальцы, стало холодно, шум дороги снизу приблизился вплотную, наконец он понял, что не сможет подтянуться, сейчас он упадет и, вероятно, умрет, но перед этим он полетит вниз как красивая птичка. Он зажмурился, но слезы пробились через веки и пошли ручьями, сердце его заколотилось, как чугунный колокол в клетке, на висках запульсировали маленькие жилки.

— Я хочу отпустить трубу и полететь.

— Он не может, не может, — раздался голос из толпы, — он просит помочь.

— Стойте, не подходите, — старший оттолкнул пытавшегося помочь.

— Мама и папа, я стану птицей и полечу, — сказал шепотом Артурчик, руки начали потеть и скользить по трубе.

Затем раздался истошный крик, тройным эхом отразившийся от домов. Часть ребят закрыли глаза, другие отвернулись, и только старший наблюдал. Артурчик сделал подтягивание, но не остановился на первом, а затем ещё и ещё, наконец к нему бросился старший и схватил больно за запястье,

вытянув Артика на площадку. Артик лежал на спине, не понимая, где он и что произошло, глаза слепило солнце, темный силуэт закрыл его.

— Я Чипок или Чипа, — хлопнув Артика по щеке, улыбнулся ему поверженный.

— Артур, — ответил он ему. — Где я, Артур?..

— Мы на пересечении бульварного и метрокольца, — объявила Эль.

— Значит, успеваем ко времени.

Он дал максимальный форсаж на моторы, машина, получив динамичный удар, закрипела от перегрузки, издав животный скрип, невероятно быстро приближаясь к очередному нагромождению из разрушенных домов, без единого шанса пройти завал насквозь. Сработала предупреждающая о столкновении сирена, усиливая ритм с приближением, перейдя в гул, но машина, бросив газ, рухнула по смягчающей спиральной траектории вниз и затем стала петлять по очищенным от крупного мусора и просторным улицам между домами, на острых поворотах делая смягчающий кульбит, словно рыбка в аквариуме, небрежно и легко преодолевая любые барьеры.

— Территория банд, они чистят метрокольцо для передвижения своего транспорта, это единственное, что еще устояло в городе, под нами «Станция центральная», её вестибюль получил гран-при за фантастический дизайн. Устрою тебе экскурсию по метро потом.

— Я поняла, — подтвердила Эль с нотками удовлетворения в голосе.

...Она засияла при виде его, она всегда сияла, особенно когда он опаздывал, вместо того чтобы журить, она любила ждать его. Он всегда приходил, объясняя причину задержки, и она внимательно выслушивала его. У него была закрытая работа, он вообще мог ей ничего рассказывать. Опустив глаза, встав на цыпочки, она целовала его затажно в щеку, на улице она никогда не целовала его развязно, это её пунктик. Так вот, опаздывая, он всегда дарил ей какую-нибудь мимишную мелочевку, что обожают каждая девушка, и коих всегда был навал по пути в центр, она их все хранит по сей день, помнит каждое его опоздание и помнит, о чем она думала в эти моменты.

Почему они встречались именно здесь — «Станция центральная», он не даст внятного ответа. Так сложилось, тут он впервые заметил её, она вышла в центре гигантского города и увидела его, вот и всё. Он провёл её по ближайшим улицам, словно рыбку по аквариуму, рассказал про каждый дом, про каждую подворотню, ткнул в каждого проходящего знакомого, в каждой забегаловке ему махали рукой, всё это ему было легко, он тут рос и с детства наблюдал становление Рокет сити из университетских малоэтажек, город вырос в двухсотэтажные небоскрёбы.

Заканчивали они всегда часовую прогулку у бара «Луи», там у них был свой намоленный столик. Он заказывал себе

большое темное пиво, а ей маленькое светлое и две порции фирменных ржаных сухариков на крафтовой бумаге. Он любовался и гордился ею, она даже оставила свою визитку биоинженера, среди многих воткнув у её входа на доске. Повторив пару раз, они разговаривали и строили планы до утра...

— Бар «Луи»?

— Верно, — подтвердила Эль. — Будешь выходить?

— Нет, уже не раз копался, визитки там нет.

— А надежда?

— Осталась.

— До конца маршрута пять процентов.

— Дальше ты сама, я без сил.

— Эль, взяла управление, веду на точку.

Наконец они добрались до точки, это была классическая десятиэтажка прошлого века, но с фасадом из красного кирпича, кирпич со временем потемнел до черноты, и дом из детства стал словно замок английской королевы, сюда ещё водилось электричество. Он оставил Эль и машину, с удовольствием размяв ноги, бодро поднялся пешком с тридцатью килограммовыми пакетами на десятый, из-за одного жильца лифты были отключены.

— Здравствуйте, — он передал ей пакеты.

Это была женщина с узким загорелым лицом, не смываемой улыбкой и с пышными седыми волосами, закрученными в замысловатые косы и кульбиты. Возраста он её не помнил, но она была намного, намного старше Арта, и при этом было

в ней что-то неуловимо детское и свежее.

— Добрый день, поставьте сюда, — ответила она, улыбаясь.

— До свидания и хорошего дня, — он повернулся спиной и быстро побежал по лестнице.

— Ну вот и поговорили, Артур, — сказала она вдогонку, но он не слышал.

Пробегая мимо своей квартиры детства, он приостановился, дверь была по старинке опечатана и заклеена зигзагом скотчем, в середину был врезан датчик слежения, он махнул рукой и пошел неспешно дальше, спустился в машину и прожал «доставку», успев вовремя.

— Арти, почему ты не разговариваешь с ней?

— Что?

— Почему ты не поговоришь с ней? — повторила Эль.

— Это соседка по этажу, квартира моих родителей была ниже. Тогда она была молодой женщиной, веселая и всегда в легких батистовых платьях, с каштановыми волосами и бежевым замызганным, видно, любимым бантом. Ребенком, еще дошкольником, когда родители задерживались на работе, я часто пил у неё до ночи чай с печеньем и болтал про разную детскую чепуху, засыпал на кухне, просыпаясь уже дома, а на моё пятнадцатилетие она подарила торт медовик, я хотел спросить рецепт и забыл, а теперь она меня не узнаёт, — неспешно припоминал он.

— Почему не узнаёт?

— Я не знаю.

— Она там одна, ей верно одиноко, — процедила Эль.

— Я не могу лезть с расспросами, это нетактично, — он сгибал и разгибал руки в кулаках, словно вел закадровый счет.

— Нетактично? Ты серьезно? Или это установка?

— А ты злопамятная, — он ухмыльнулся.

— Боишься, что реальность убьёт твои сладкие воспоминания?

— Возможно. Город исчезает, она стареет, всё меняется, я не знаю, что со всем этим делать, как с этим совладать и удержать прошлое, — он снял шлем, запихнул в него перчатки и сунул всё это в сетку, ослабил пятиточечный ремень на пять делений.

— Но от этого нельзя уйти — мир меняется, воспоминания стираются, прошлое забывается, ты должен открыть глаза. Ты должен знать, что творится здесь и сейчас. Ты должен знать, что у тебя осталось?

— Увидеть, что ничего не осталось? Это имела в виду? А ты жестокая.

— Я просто пытаюсь проложить лучший маршрут в пироге.

— Хочешь, чтобы я рассказал ей о себе?

— Она и так слишком долго подыгрывает тебе.

— Почему она не уехала? Зачем осталась тут? Почему не узнаёт меня?

— Вот и спроси у неё.

— Ладно, узнаем всё это в следующий раз.

— Напомню тебе эти три вопроса.

— Не забудь, Эль.

— И не надейся, — пропела Эль, снова заговорив на распев.

Рокет сити накрыла ночная мгла. Он откинул кресло, закинул руки за голову и закрыл глаза.

— Ты запомнила этот последний маршрут?

— Добавила в избранное.

— Как ты угадываешь мои мысли?

— Установка, — игриво бросила она.

— Ладно, Эльза, домой.

Эль мягко повела машину в полной темноте города, в верхних этажах небоскребов тем временем заблестели первые лучики рассвета. Он вытянул ноги, оперевшись в экран кабины, мягко покачивался в люльке пилота, погружаясь в воспоминания далёкого детства.

— Мир... пирог... я сейчас вспомню... — пробурчал он несколько невнятных фраз. — Ми... ре-цеп... т... — попробовал повторить четче, но не смог.

Наконец он задышал ровно и заснул, увидев настоящие сны.

Книга первая — дневник Артура.

Глава 6. Любовный пузырь

Любовный пузырь

Я сидел в «Кафе у Луи», заказов не было, люди вымирали, за окном наливались свинцовые тучи. Дзинь-дзинь, и Ан входит с серебристым шариком в виде сердечка.

— Это что еще? — я указал пальцем в шарик.

— Зацепился к дереву, бедненький и одинокий, я забралась и сняла его, — убеждала она меня, прикручивая шар к своему стулу. — Вон руку разодрала и колготки порвала, — показала она ссадину на запястье и дырку на коленке. — Я дарю его тебе, пускай висит здесь, он принесет счастье.

— Как нам «бедненький» принесет счастье, девочка?

— Я чувю.

— Ладно, пускай висит на тестировании.

— Ура.

— С шариком разобрались, а ты чего смурная?

— Меня никто не любит.

— Чего, чего? Повтори, — я наклонился к ней.

— Мне не хватает любви, — сев, она громко хлопнула обеими ладонями по столу и захлопала носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.